

---

## РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

### ЯВЛЕНИЕ

*Сущность должна являть себя.*

Бытие есть абсолютная абстракция; эта отрицательность не есть для него нечто внешнее, оно бытие, и ничего другого, кроме бытия, только как эта абсолютная отрицательность. Из-за этой отрицательности бытие дано лишь как снимающее себя бытие и есть *сущность*. Но и наоборот, сущность как простое равенство с собой есть также *бытие*. Учение о бытии содержит первое положение: *бытие есть сущность*. Второе положение: *сущность есть бытие* — составляет содержание первого раздела учения о сущности. Но это бытие, которым делается сущность, есть *существенное бытие, существование*, выхождение (Herausgegangensein) из отрицательности и из внутреннего.

Таким образом, сущность *являет себя*. Рефлексия — это *видимость* сущности *внутри ее самой*. Определения рефлексии замкнуты в единство всецело лишь как положенные, снятые; иначе говоря, рефлексия есть сущность, непосредственно тождественная с собой в своей положенности. Но, будучи основанием, сущность реально определяет себя своей снимающей самое себя или возвращающей в себя рефлексией; далее, так как это определение или инобытие отношения основания снимает себя в рефлексии основания и становится существованием, то определения формы обретают тем самым стихию самостоятельной устойчивости. Их *видимость* совершенствуется, переходя в *явление*.

Определенная сущность (Wesenheit), достигшая непосредственности, есть, *во-первых, существование*, а как

неразличенное единство сущности со своей непосредственностью — существующее или *вещь*. Вещь, правда, содержит рефлексию, но отрицательность рефлексии угасла прежде всего в непосредственности вещи; однако, так как основание вещи есть по существу своему рефлексия, то непосредственность вещи снимается; вещь делается положенностью.

Таким образом, вещь есть, *во-вторых, явление*. Явление — это то, что вещь есть в себе, или ее истина. Но это лишь положенное, рефлексированное в инобытие существование есть также выход за свои пределы в свою бесконечность; миру явления противопоставляется рефлексированный в себя, *сущий в себе мир*.

Но являющееся бытие и существенное бытие безусловно соотнесены друг с другом. Таким образом, существование есть, *в-третьих, существенное отношение*; являющееся обнаруживает существенное, и существенное имеет бытие в своем явлении. — Отношение — это еще неполное соединение рефлексии в инобытие и рефлексии в себя; полное взаимопроникновение обеих есть *действительность*.

---

ГЛАВА ПЕРВАЯ  
СУЩЕСТВОВАНИЕ

Подобно тому как положение об основании гласит: *все, что есть, имеет основание*, иными словами, *есть нечто положенное, опосредствованное*, точно так же следовало бы выставить положение о существовании и выразить его следующим образом: *все, что есть, существует*. Истина бытия состоит не в том, чтобы быть некоторым первым непосредственным, а в том, чтобы быть перешедшей в непосредственность сущностью.

Но далее, если было также сказано: *все, что существует, имеет основание и обусловлено*, то следовало бы точно так же сказать: *оно не имеет основания и не обусловлено*. Ведь существование — это непосредственность, возникшая из снятия опосредствования, осуществляемого через основание и условие, — непосредственность, которая в своем возникновении снимает само это возникновение.

Поскольку здесь можно упомянуть доказательства *о существовании бога*, то следует заранее сказать, что кроме непосредственного бытия, во-первых, и, во-вторых, *существования* — бытия, возникающего из сущности, есть еще одно бытие, возникающее из понятия, — *объективность*. — Доказывание есть вообще *опосредствованное познание*. Разные виды бытия требуют или содержат каждый свой особый вид опосредствования; поэтому и природа доказывания относительно каждого из них также различна<sup>53</sup>. *Онтологическое доказательство* стремится исходить из понятия; оно кладет в основание совокупность всех реальностей, а затем подводит и существование под [понятие] реальности. Таким образом, это доказательство есть опосредствование, которое имеет характер умозаключения и здесь еще не подлежит рассмотрению. Уже

выше<sup>54</sup> мы обратили внимание на возражение Канта против этого доказательства и отметили, что под *существованием* Кант понимает *определенное* наличное бытие, благодаря которому нечто вступает в связь совокупного опыта, т. е. в определение некоторого *инобытия* и в соотношение с *иным*. Так, нечто как существующее опосредствовано иным, и существование есть вообще сторона его опосредствования. Но в том, что Кант называет понятием, а именно в нечто, поскольку его берут лишь как просто *соотносящееся с собой*, иначе говоря, в представлении, как таковом, нет его опосредствования; в абстрактном тождестве с собой отброшено противоположение. Онтологическое доказательство должно было бы показать, что абсолютное понятие, а именно понятие бога, приходит к определенному наличному бытию, к опосредствованию, иначе говоря, [должно было бы показать], каким образом простая сущность опосредствует себя с опосредствованием. Это достигается путем указанного подведения существования под его всеобщее, а именно под реальность, которая принимается за нечто посредствующее между богом и его понятием, с одной стороны, и существованием — с другой. — Об этом опосредствовании, поскольку оно имеет форму умозаключения, мы здесь, как сказано, не будем говорить. Но каково поистине это опосредствование сущности с существованием — это ясно из предыдущего изложения. Природа самого доказывания должна быть рассмотрена в учении о познании. Здесь нужно указать лишь на то, что относится к природе опосредствования вообще.

Доказательства бытия бога указывают *основание* для этого бытия. Основание это не должно быть объективным основанием бытия бога, ибо бытие бога — это бытие в себе и для себя самого. Вот почему это основание есть лишь *основание для познания*. Тем самым оно в то же время выдает себя за нечто такое, что *исчезает* в предмете, который сначала являет себя как основанное им. Так вот, основание, почерпнутое из случайности мира, содержит возвращение этой случайности в абсолютную сущность, ибо случайное — это то, что в себе самом лишено основания, и то, что снимает себя. Абсолютная сущность, стало быть, при этом способе [доказательства] на самом деле возникает из того, что не имеет основания; основание снимает само себя, тем самым исчезает и ви-

димось приписанного богу отношения, будто бог — нечто основанное в чем-то ином. Вот почему это опосредствование — истинное опосредствование. Но указанной доказывающей рефлексии эта природа ее опосредствования остается неизвестной; с одной стороны, она принимает себя за нечто чисто субъективное и тем самым отстраняет свое опосредствование от самого бога, а с другой — именно поэтому не познает, что и как это опосредствующее движение имеет место в *самой сущности*. Истинное же отношение опосредствования состоит в том, что опосредствование есть и то и другое в «одном», есть опосредствование, как таковое, но в то же время, конечно, субъективное, внешнее, а именно внешнее себе *опосредствование*, которое *снова снимает себя в самом себе*. В указанном же выше изложении существованию приписывается превратное отношение, так что оно являет себя лишь как *опосредствованное* или *положенное*.

С другой стороны, нельзя также рассматривать существование как то, что исключительно *непосредственно*. Будучи взято в определении непосредственности, постижение существования бога объявлялось чем-то недоказуемым, а знание об этом существовании — *исключительно* непосредственным сознанием, *верой*. Знание якобы должно прийти к тому результату, что оно *ничего* не знает, т. е. что оно само *снова отказывается* от своего *опосредствующего* движения и от встречающихся в нем определений. Это выявилось уже в предыдущем; но следует прибавить, что рефлексия, завершаясь снятием самой себя, по этой причине не дает в результате *ничто*, так чтобы положительное знание о сущности как *непосредственное* соотношение с ней было *отделено* от указанного выше результата и было возникновением из себя, лишь с себя начинающим актом; нет, самый этот конец, это *исчезание* опосредствования в *основании* есть в то же время *основание*, из которого возникает непосредственное. Немецкий язык, как выше было отмечено, соединяет значение этого *уничтожения* (Untergang) и *основания* (Grund); так, говорят, что сущность бога есть *бездна* (Abgrund) для конечного разума. Она действительно такова, поскольку этот разум отказывается в ней от своей конечности и погружает в нее свое опосредствующее движение; но эта *бездна*, это отрицательное основание есть в то же время *положительное* основание возникновения сущего, в себе

самой непосредственной сущности; опосредствование есть *существенный момент*. Опосредствование основанием снимает себя, но не оставляет основание внизу так, чтобы возникающее из него было чем-то *положенным*, имеющим свою сущность где-то в другом месте, а именно в основании; это основание как бездна есть исчезнувшее опосредствование, и, наоборот, лишь исчезнувшее опосредствование есть в то же время основание, и лишь благодаря этому отрицанию оно равно самому себе и непосредственно.

Таким образом, существование следует здесь понимать не как *предикат* или *определение* сущности, не так, чтобы положение о нем гласило: сущность существует, или *обладает* существованием, а так, что сущность перешла в существование; существование — это ее абсолютное становление внешней, по ту сторону которого она не осталась. Положение о существовании, следовательно, гласило бы: сущность есть существование; она не отлична от своего существования. — Сущность *перешла* в существование, поскольку сущность как основание уже не отличается от себя как основанного или поскольку это основание сняло себя. Но это отрицание столь же существенно есть ее полагание или всецело положительная непрерывность самой себя; существование — это рефлексия *основания* в себя, его тождество с самим собой, достигнутое им в своем отрицании, следовательно, опосредствование, которое положено им самим как тождественное с собой и потому есть непосредственность.

Так как существование — это по существу своему *тождественное с собой опосредствование*, то оно имеет *определения* опосредствования в самом себе, но так, что они в то же время рефлексированы в себя и обладают существенной и непосредственной устойчивостью. Как непосредственность, полагающая себя через снятие, существование есть отрицательное единство и внутри-себя-бытие; поэтому оно определяет себя непосредственно как нечто *существующее* и как *вещь*.

#### А. ВЕЩЬ И ЕЕ СВОЙСТВА

Существование как *существующее* положено в форме отрицательного единства; оно по существу своему есть такое единство. Но это отрицательное единство есть прежде всего лишь *непосредственное* определение и тем

самым «одно» всякого *нечто* вообще. Но существующее нечто отлично от сущего нечто. Первое есть по существу своему такая непосредственность, которая возникла благодаря рефлексии опосредствования в само себя. Таким образом, существующее нечто есть *вещь*.

Различают *вещь* и ее *существование*, подобно тому как можно различать *нечто* и его *бытие*. *Вещь* и существующее — непосредственно одно и то же. Но так как существование не есть первая непосредственность бытия, а имеет в самом себе момент опосредствования, то определение его как вещи и различение их есть, собственно говоря, не переход, а анализ; и существование, как такое, содержит само это различение в моменте своего опосредствования — различие между *вещью-в-себе* и *внешним существованием*.

#### а) *Вещь в себе и существование*

1. *Вещь-в-себе* — это существующее как *существенное непосредственное*, имеющееся благодаря снятому опосредствованию, так что для вещи в себе столь же существенно и опосредствование; но указанное различие в этом первом или непосредственном существовании распадается на *безразличные определения*. Одна сторона, а именно опосредствование вещи, — это ее *нерефлексированная непосредственность*, следовательно, ее бытие вообще, которое, будучи в то же время определено как опосредствование, есть *другое* для самого себя, внутри себя *многообразное* и *внешнее наличное бытие*. Но оно не только наличное бытие, но и находится в соотношении со снятым опосредствованием и существенной непосредственностью; поэтому оно наличное бытие как *несущественное*, как положенность. — (Если различают вещь и ее существование, то она *возможное*, порождение представления или мысли, которое, как таковое, не должно в то же время [непрерывно] быть существующим. Однако об определении возможности и о противоположности вещи и ее существование будет сказано позже.) — Но вещь-в-себе и ее опосредствованное бытие содержатся в существовании и оба суть нечто существующее; вещь-в-себе существует и есть *существенное существование* вещи, опосредствованное же бытие есть ее *несущественное существование*<sup>55</sup>.

*Вещь в себе* как простая рефлексированность существования в себя не есть основание несущественного на-

личного бытия; она неподвижное, неопределенное единство именно потому, что ей свойственно определение — быть снятым опосредствованием и потому лишь *основой* этого наличного бытия. Поэтому и рефлексия как наличное бытие, опосредствующее себя иным, совершается *вне вещи-в-себе*. Вещи-в-себе не должно быть свойственно какое-либо определенное многообразие и потому она обретает такое многообразие, лишь *будучи вынесена во внешнюю рефлексию*, но остается она к нему безразличной. (Вещь-в-себе имеет цвет, лишь будучи поднесена к глазу, запах — к носу и т. п.) Ее различия — это лишь [различные] отношения к ней чего-то иного, они определенные соотношения этого иного с вещью-в-себе, а не ее собственные определения.

2. Это иное — рефлексия, которая, будучи определена как внешняя, *во-первых, внешняя себе самой* и есть определенное многообразие. *Во-вторых*, она внешняя существовавшему и *соотносится* с ним как со своей абсолютной *предпосылкой*. Но оба этих момента внешней рефлексии — ее собственное многообразие и ее соотношение с другой для нее вещью-в-себе — суть одно и то же. Ибо это существование внешне лишь постольку, поскольку оно соотносит себя с существенным тождеством как *с чем-то иным*. Поэтому многообразие не имеет собственной самостоятельной устойчивости по ту сторону вещи-в-себе, а дано лишь как видимость по сравнению с ней, дано в своем необходимом соотношении с ней как преломляющийся в ней рефлекс. Таким образом, разность имеется как соотношение чего-то иного с вещью-в-себе; но это иное вовсе не есть нечто устойчивое само по себе, а дано лишь как соотношение с вещью-в-себе; в то же время, однако, оно дано лишь как отталкивание от нее; оно, таким образом, беспрестанное самоотталкивание (*der haltlose Gegenstoss*) в само себя.

Вещи-в-себе, так как она существенное тождество существования, не свойственна эта лишенная сущности рефлексия, которая внутри себя совпадает сама с собой как внешняя для вещи-в-себе. Она исчезает в основании и тем самым сама становится существенным тождеством или вещью-в-себе. — Это можно рассматривать и так: лишенное сущности существование имеет свою рефлексию в себя в вещи-в-себе; оно соотносится с ней прежде всего как со своим *иным*; но как иное по отношению к тому,

что́ есть в себе, оно лишь снятие самого себя и становление в-себе-бытием. Тем самым вещь-в-себе тождественна с внешним существованием.

Это проявляется в вещи-в-себе следующим образом. Вещь-в-себе есть *соотносящееся с собой*, существенное существование; она лишь постольку тождество с собой, поскольку в ней содержится отрицательность рефлексии в самое себя; то, что являло себя как внешнее ей существование, есть поэтому момент в ней самой. Поэтому она есть также отталкивающая себя от себя вещь-в-себе, которая, *стало быть, относится к себе как к чему-то иному*. Таким образом, имеется теперь *несколько* вещей-в-себе, находящихся между собой в отношении внешней рефлексии. Это несущественное существование есть их отношение друг к другу как к иным; но оно, кроме того, существенно для них самих, иначе говоря, это несущественное существование, совпадая внутри себя сама с собой, есть вещь-в-себе, но *другая*, чем первая; ведь первая есть непосредственная существенность, а эта возникает из несущественного существования. Однако эта другая вещь-в-себе есть лишь нечто *иное* вообще, ибо как тождественная с собой вещь она не имеет никакой дальнейшей определенности относительно первой; она, как и первая, есть рефлексия несущественного существования в себя. Определенность разных вещей-в-себе относительно друг друга касается поэтому внешней рефлексии.

3. Эта внешняя рефлексия есть теперь отношение вещей-в-себе друг к другу, *их взаимное опосредствование* как других. Вещи-в-себе суть, таким образом, крайние члены заключения, середину которого составляет их внешнее существование, существование, благодаря которому они другие друг для друга и различные. Это их различие касается лишь *их соотношения*; они как бы посылают лишь определения от своей поверхности в соотношение [с другими], к которому они как абсолютно рефлексированные в себя остаются безразличными. — Это отношение и составляет целокупность существования. Вещь-в-себе соотносится с внешней для нее рефлексией, в которой она имеет многообразные определения; это — ее отталкивание себя от самой себя в другую вещь-в-себе; это отталкивание есть ее самоотталкивание (*Gegenstoss*) в само себя, поскольку каждая из них есть нечто иное лишь как отсвечивающая себя от другой; она имеет свою положен-

ность не в самой себе, а в ином, определена лишь определенностью иного; это иное точно так же определено лишь определенностью первой; но так как *обе* вещи-в-себе тем самым имеют разность не в самих себе, а каждая лишь в другой, то они неразличенные; вещь-в-себе, долженствуя относиться к другому крайнему члену как к другой вещи-в-себе, относится [к ней как] к чему-то неразличенному от себя, и внешняя рефлексия, которая должна была бы составлять опосредствующее соотношение крайних членов, есть отношение вещи-в-себе лишь к самой себе, иначе говоря, есть по существу своему ее рефлексия в себя; тем самым она в себе сущая определенность, или определенность вещи-в-себе. Следовательно, вещь-в-себе имеет эту определенность не во внешнем для себя соотношении с другой вещью-в-себе и этой другой — с ней; определенность — это не только поверхность вещи-в-себе, но и существенное опосредствование ее с собой как с чем-то иным. — Обе вещи-в-себе, которые должны были бы составлять крайние члены соотношения, так как они в себе не должны иметь никакой определенности одна относительно другой, *на самом деле совпадают*; имеется лишь одна вещь-в-себе, относящаяся во внешней рефлексии к самой себе, и ее *собственное соотношение с собой как с чем-то иным* и составляет ее определенность.

Эта определенность вещи-в-себе есть *свойство вещи*.

## в) Свойство

*Качество* — это *непосредственная* определенность [всякого] нечто, само то отрицательное, благодаря которому бытие есть нечто. Таким же образом *свойство* вещи есть отрицательность рефлексии, благодаря которой существование вообще есть существующее и как простое тождество с собой — *вещь-в-себе*. Но отрицательность рефлексии, снятое опосредствование само есть по существу своему опосредствование и соотношение, соотношение не с иным вообще в отличие от качества как нерефлектированной определенности, а с собой как с иным; другими словами, такое *опосредствование*, которое непосредственно есть *также и тождество с собой*. Абстрактная вещь-в-себе сама есть это отношение, возвращающееся в себя из иного, вследствие этого она *определена в себе самой*; но ее определенность — это такой *характер* (Beschaffenheit), кото-

рый, как таковой, сам есть *определение*, а как отношение к иному *не переходит* в инобытие и *не подвержен изменению*.

Вещь обладает *свойствами*; они, *во-первых*, ее определенные соотношения с *иным*; свойство имеется лишь как способ взаимного отношения; оно поэтому внешняя рефлексия и сторона положенности вещи. Но *во-вторых*, вещь в этой положенности есть *в себе*; она сохраняет себя в соотношении с иным; следовательно, если существование предается становлению бытия и изменению, то это касается лишь поверхности; свойство не теряется в этом изменении. Вещь обладает свойством вызывать то или другое в ином и лишь ей присущим образом проявляться в соотношении [с другими вещами]. Она обнаруживает это свойство лишь при наличии соответствующего характера другой вещи, но в то же время оно ей *присуще* и есть ее тождественная с собой основа; это рефлексированное качество называется поэтому *свойством*. Вещь переходит в нем во внешнее, но свойство при этом сохраняется. Благодаря своим свойствам вещь становится причиной, а быть причиной — значит сохранять себя как действие. Однако здесь вещь есть лишь покоящаяся вещь со многими свойствами, но еще не определена как действительная причина; она лишь *в-себе-сущая*, но еще не полагающая рефлексия своих определений.

Следовательно, *вещь-в-себе*, как выяснилось, есть по существу своему вещь-в-себе не только в том смысле, что ее свойства — это положенность внешней рефлексии, но они ее собственные определения, в силу которых она действует определенным образом; она не лишенная определений основа, находящаяся по ту сторону ее внешнего существования, а наличествует в своих свойствах как основание, т. е. она тождество с собой в своей положенности; но в то же время [она наличествует в этих свойствах] как *обусловленное* основание, т. е. ее положенность есть также внешняя себе рефлексия; она лишь постольку рефлексирована в себя и есть в себе, поскольку она внешняя. — Благодаря существованию вещь-в-себе вступает во внешние соотношения, и существование состоит в этой внешности; она непосредственность бытия, и вещь поэтому подвержена изменению; но существование есть и рефлексированная непосредственность основания, и потому вещь имеется *в себе* в своем изменении. — Это упоминание об

отношении основания следует, однако, здесь понимать не в том смысле, что вещь определена вообще как основание своих свойств; сама вещьность, как таковая, есть определение основания; свойство не отличается от своего основания и не составляет исключительно лишь положенности, оно основание, перешедшее в свое внешнее, и тем самым оно поистине рефлексированное в себя основание; само свойство, как таковое, есть основание, в себе сущая положенность, иначе говоря, основание составляет *форму тождества* свойства с собой; *определенность* свойства — это внешняя себе рефлексия основания, а целое — это основание, соотносящееся с собой в своем отталкивании и процессе определения, в своей внешней непосредственности. — Следовательно, *вещь-в-себе существует* существенно, а то обстоятельство, что она существует, означает, наоборот, что существование как внешняя непосредственность есть в то же время *в-себе-бытие*.

#### П р и м е ч а н и е

[*Вещь-в-себе* трансцендентального идеализма]

Уже выше<sup>56</sup>, говоря о моменте наличного бытия, о *в-себе-бытии*, мы упомянули о *вещи-в-себе* и при этом отметили, что вещь-в-себе, как таковая, — это не что иное, как пустая абстракция от всякой определенности; об этой вещи-в-себе, разумеется, *ничего* нельзя *знать* именно потому, что она абстракция от всякого определения. — После того как вещь-в-себе предположена таким образом как то, что неопределенно, всякое определение имеется вне ее, в чуждой ей рефлексии, к которой она безразлична. Для *трансцендентального идеализма сознание* и есть эта внешняя рефлексия. Так как эта философская система переносит всякую определенность вещей и по форме, и по содержанию в сознание, то, согласно этой точке зрения, от *меня*, от субъекта, зависит то, что я вижу листья дерева не черными, а зелеными, вижу солнце круглым, а не четырехугольным, что для моего вкуса сахар сладок, а не горек, что первый и второй удар часов я определяю как последовательные, а не как рядоположные, что я не определяю первый удар ни как причину, ни как действие второго удара и т. д. — Этому резкому изложению субъективного идеализма непосредственно противоречит сознание свободы, согласно которому я знаю себя скорее как

общее и неопределенное, отделяю от себя указанные многообразные и необходимые определения и познаю их как нечто внешнее для меня, присущее лишь вещам. — «Я» в этом сознании своей свободы есть для себя то истинное, рефлексированное в себя тождество, которым, по указанному учению, служит вещь-в-себе. — В другом месте я показал, что этот трансцендентальный идеализм не идет дальше ограничения «Я» объектом и вообще не выходит за пределы конечного мира, а меняет только *форму* предела, остающегося для него чем-то абсолютным, так как он лишь переводит его из объективного образа в субъективный и то, что обыденное сознание знает как многообразие и изменение, относящееся лишь к внешним для этого сознания вещам, превращает в определенности «Я» и совершающуюся в «Я» как в вещи бурную смену этих определенностей. — Теперь же, в данных рассуждениях, противостоят друг другу лишь вещь-в-себе и рефлексия, прежде всего внешняя ей; рефлексия еще не определила себя как сознание, равно как и вещь-в-себе еще не определила себя как «Я». Из природы вещи-в-себе и внешней рефлексии вытекает, что само это внешнее определяет себя как вещь-в-себе или, наоборот, становится собственным определением указанной выше первой вещи-в-себе. Главный же недостаток точки зрения, на которой стоит указанная философия, состоит в том, что она упорно держится *абстрактной вещи-в-себе* как некоего *последнего* определения и противопоставляет вещи-в-себе рефлексии или определенность и многообразие свойств, между тем как на самом деле вещь-в-себе имеет по существу своему эту внешнюю рефлексии в самой себе и определяет себя как вещь, наделенную *собственными* определениями, свойствами, благодаря чему абстракция вещи — быть чистой вещью-в-себе — оказывается неистинным определением<sup>57</sup>.

### с) Взаимодействие вещей

Вещь-в-себе имеет существенное *существование*; внешняя непосредственность и определенность принадлежат к ее в-себе-бытию или к ее рефлексии-в-себя. Вещь-в-себе есть поэтому вещь, обладающая свойствами, и поэтому имеется много вещей, отличающихся друг от друга не вследствие какого-то чуждого им отношения, а благодаря

самим себе. Эти многие разные вещи находятся благодаря своим свойствам в существенном взаимодействии; свойство есть само это взаимоотношение, и вещь — ничто вне этого взаимоотношения; взаимное определение, посредствующее вещей-в-себе, которые должны были бы как крайние члены оставаться безразличными к этому их соотношению, само есть тождественная с собой рефлексия и та самая вещь-в-себе, которой должны были быть указанные крайние члены. Тем самым вещьность низведена до формы неопределенного тождества с собой, имеющего свою существенность лишь в своем свойстве. Поэтому если идет речь о вещи или о вещах вообще помимо определенного свойства, то их различие чисто безразличное, количественное различие. Одно и то же, что рассматривается как *одна* вещь, можно точно так же превращать во многие вещи, иначе говоря, можно рассматривать как многие вещи; это *внешнее обособление* или *соединение*. — Книга — вещь, и каждый ее лист также вещь, и точно так же каждый кусочек ее листов и так далее до бесконечности. Определенность, благодаря которой *какая-то* вещь есть лишь *эта* вещь, заключается исключительно в ее свойствах. Ими она отличается от других вещей, так как свойство — это отрицательная рефлексия и различение; вот почему лишь в своем свойстве, в самой себе вещь имеет свое отличие от других вещей. Свойство — это рефлексированное в себя различие, в силу которого вещь в своей положенности, т. е. в своем соотношении с иным, безразлична в то же время к иному и к своему соотношению. Поэтому на долю вещи без ее свойств остается только абстрактное в-себе-бытие, несущественный охват и внешнее скопление. Истинное в-себе-бытие — это в-себе-бытие в своей положенности; положенность и есть само свойство. Тем самым *вещность перешла в свойство*.

Вещь должна была бы относиться к свойству как в-себе-сущий крайний член, а свойство должно было бы составлять середину между находящимися в соотношении вещами. Однако это соотношение есть то, в чем вещи как *отгалкивающаяся от самой себя рефлексия* встречаются друг с другом и в чем они различены и соотнесены. Это их различие и их соотношение есть одна и та же их рефлексия и *одна и та же их непрерывность*. Сами вещи, стало быть, имеются лишь в этой непрерывности, которая есть свойство, и исчезают как такие устойчивые крайние

члены, которые имели бы существование вне этого свойства.

*Свойство*, которое должно было бы составлять соотношение самостоятельных крайних членов, поэтому *само* *самостоятельно*. Вещи же — это несущественное. Они нечто существенное лишь как рефлексия, которая соотносится с собой, различая самое себя; но это — свойство. Следовательно, свойство — это не то, что снято в вещи, или просто ее момент; нет, вещь есть на самом деле лишь упомянутый выше несущественный охват, который, правда, есть отрицательное единство, но лишь подобное «одному» [всякого] нечто, а именно *непосредственное* «одно». Если выше вещь была определена как несущественный охват в том смысле, что ее сделала таковым внешняя абстракция, опускающая ее свойство, то теперь эта абстракция достигнута самим переходом вещи-в-себе в свойство, но с обратным смыслом, так что при первом абстрагировании абстрактная вещь без ее свойства еще мнится как суть, а свойство — как внешнее определение, то здесь вещь, как таковая, определяет себя через самое себя как безразличная внешняя форма свойства. — Свойство, стало быть, свободно теперь от неопределенного и бессильного сочетания, которым служит «одно» вещи; свойство — это то, что составляет *устойчивость* вещи, оно *самостоятельная материя*. — Будучи простой непрерывностью самой себя, материя имеет в самой себе форму прежде всего лишь как *разность*; поэтому имеются *многообразные* такого рода самостоятельные материи, и *вещь состоит из них*.

#### В. ВЕЩЬ СОСТОИТ ИЗ [РАЗНЫХ] МАТЕРИЙ

Переход *свойства* в какую-то *материю* или в какое-то самостоятельное *вещество* — это тот известный переход, который совершает применительно к чувственной материи химия, пытаясь представить *свойства* — цвет, запах, вкус и т. д. — как *вещества света, цвета, пахучести*, кислое, горькое и т. д. или же просто предполагая другие вещества, например *теплород*, электрическую, магнетическую материю, причем химия убеждена, что тем самым она по-настоящему владеет этими свойствами. — Столь же общеизвестно выражение, что вещи *состоят* из разных материй или веществ. При этом остерегаются называть эти *материи* или вещества *вещами*, хотя соглашаются, что,

например, пигмент есть вещь; но мне неизвестно, чтобы, например, называли вещами также светород, теплород или электрическую материю и т. д. Различают вещи и их составные части, не указывая точно, суть ли составные части также вещи и в какой мере они вещи или, скажем, лишь полувещи; но во всяком случае они *существующее* вообще.

Необходимость переходить от свойств к материям или признать, что свойства — поистине материи, следовала из того, что они существенное и тем самым истинно самостоятельное в вещах. — В то же время, однако, рефлексия свойства в себя составляет лишь одну сторону всей рефлексии, а именно снятие различия и непрерывность самого себя, присущую свойству, которое должно было быть существованием для иного. Поэтому вещьность как отрицательная рефлексия в себя и отталкивающееся от иного различие низведена до несущественного момента; но тем самым этот момент в то же время определяется далее. Этот отрицательный момент, *во-первых, сохранился*; ведь свойство приобрело непрерывность самого себя и стало самостоятельной материей лишь постольку, поскольку различие вещей *сняло* себя; следовательно, непрерывность перехода свойства в инобытие сама содержит момент отрицательного, и самостоятельность свойства как это *отрицательное единство* есть в то же время восстановленное *нечто* вещьности, отрицательная самостоятельность в противоположность положительной самостоятельности вещества. *Во-вторых*, вещь тем самым из своей неопределенности развилась до полной определенности. Как вещь в себе она абстрактное тождество, *просто отрицательное* существование, иными словами, существование, *определенное* как *то, что неопределенно*; затем она определена своими свойствами, которыми она должна отличаться от других вещей; но так как она скорее сливается с другими (*kontinuerlich mit andern*) благодаря свойству, то это неполное различие снимается; вещь благодаря этому возвратилась в себя и теперь определена *как определенная*; она *определена в себе*, или есть *эта вещь*.

Но *в-третьих*, хотя это возвращение в себя и есть соотносящееся с собой определение, однако оно в то же время несущественно; имеющая непрерывность самой себя *устойчивость* составляет самостоятельную материю, в которой различие вещей, их в себе и для себя сущая опре-

деленность, снято и есть нечто внешнее. Следовательно, вещь как *эта* вещь хотя и есть полная определенность, но это есть определенность в стихии несущественности.

Если рассматривать сказанное со стороны движения свойства, то оно явствует из следующего. Свойство есть не только *внешнее* определение, но и *в себе существующее* существование. Это единство внешности и существенности, так как в нем содержится рефлексия-в-себя и рефлексия в иное, отталкивает себя от самого себя и есть, с одной стороны, определение как *простое*, тождественно соотносящееся с собой самостоятельное, в котором отрицательное единство, «одно» вещи, есть нечто снятое, а с другой — оно есть это определение по отношению к иному, но также как рефлексированное в себя, определенное в себе «одно»; оно есть, таким образом, [с одной стороны], *материци*, а [с другой] — *эта вещь*. Это оба момента тождественной с собой внешности или рефлексированного в себя свойства. — Свойство было тем, чем должны были различаться вещи; так как теперь оно освободилось от этой своей отрицательной стороны, от того, чтобы быть присущим чему-то иному, то тем самым и вещь избавлена от того, чтобы быть определенной другими вещами, и возвратилась в себя из соотношения с иным; но в то же время она лишь *вещь-в-себе*, ставшая для себя иным (*das sich Anderes*), так как многообразные свойства со своей стороны стали самостоятельными, и, следовательно, их отрицательное соотношение в «одном» вещи стало лишь снятым соотношением; поэтому вещь есть тождественное с собой отрицание лишь в *противоположность* положительной непрерывности вещества.

«Это» (*das Diese*) составляет, следовательно, полную определенность вещи в том смысле, что эта определенность есть в то же время внешняя определенность. Вещь состоит из самостоятельных материй, безразличных к их соотношению в вещи. Вот почему это соотношение есть лишь несущественное сочетание их, и отличие одной вещи от другой зависит от того, находится ли в ней несколько отдельных материй и в каком количестве. Они выходят *за* пределы *этой* вещи, продолжают в других вещах, и их принадлежность этой вещи не есть для них предел. Точно так же они, далее, не составляют ограничения друг для друга, так как их отрицательное соотношение есть лишь бессильное «это». Вот почему, сочетаясь в вещи, они не

снимают себя; как самостоятельные они непроницаемы друг для друга, в своей определенности соотносятся лишь с собой и суть взаимно безразличное многообразие устойчивости; они способны иметь лишь некоторую количественную границу. — Вещь как *эта* вещь есть это их чисто количественное соотношение, есть простое скопление, их «также». Она *состоит* из того или иного определенного количества одного вещества, состоит *также* из определенного количества другого вещества, а *также* из других; вещь составляет только эту связь, состоящую в отсутствии всякой связи.

### С. РАСТВОРЕНИЕ ВЕЩИ

*Эта* вещь, взятая так, как она определилась, [т. е.] как чисто количественная связь свободных веществ, совершенно изменчива. Ее изменение состоит в том, что одна или несколько материй выделяются из этого скопления или присоединяются к этому «также», или же в том, что их количественное соотношение изменяется. Возникновение и прехождение *этой* вещи есть внешнее растворение такой внешней связанности или связанность того, чему безразлично быть или не быть связанным. Ничем не удерживаемые, вещества выходят из *этой* вещи или входят в нее; сама она — абсолютная пористость без собственной меры или формы.

Таким образом, вещь совершенно растворима в своей абсолютной определенности, благодаря которой она *эта* вещь. Это растворение есть внешняя определяемость, равно как и бытие вещи; но ее растворение и внешний характер ее бытия — это то, что существенно в этом бытии; она лишь [указанное] «также»; она состоит лишь в этом внешнем характере. Но она состоит также из своих материй; и не только абстрактное «*это*», как таковое, но и *вся эта вещь* есть растворение самой себя. А именно, вещь определена как внешнее скопление самостоятельных материй; эти материи не вещи, у них нет отрицательной самостоятельности, они свойства как то, что самостоятельно, а именно определенность (Bestimmtheit), рефлексированная, как таковая, в себя. Поэтому хотя материи просты и соотносятся лишь с самими собой, но *их содержание* есть некоторая *определенность*; рефлексия-в-себя — лишь *форма* этого содержания, которое, как таковое, не рефлексировано в себя, а сообразно со своей

определенностью соотносится с иным. Поэтому вещь — это не только их «также» — их соотношение как безразличных друг к другу, — а равным образом и их отрицательное соотношение; благодаря своей определенности материи сами суть эта их отрицательная рефлексия, которая есть точечность (Punktualität) вещи. Со стороны определенности своего содержания относительно друг друга одна материя не есть то, что другая; а со стороны своей самостоятельности одна материя не есть, поскольку другая есть.

Вот почему вещь — это такое соотношение материй, из которых она состоит, что в ней *наличествует* и одна, и другая, но что в то же время в ней одна материя *не* наличествует, поскольку наличествует другая. Следовательно, поскольку в вещи имеется одна материя, другая тем самым снята; но вещь есть в то же время [упомянутое] «также», или наличие других материй. Поэтому в наличии одной материи другая материя *не* наличествует и равным образом она *также* наличествует в первой, и так наличествуют по отношению друг к другу все эти разные материи. Следовательно, так как в том же смысле, в каком наличествует одна, наличествуют и другие, а это одно их наличие и есть точечность или отрицательное единство вещи, то они совершенно *проникают* одна другую; и так как вещь в то же время — это лишь их «также», а материи рефлексированы в свою определенность, то они безразличны друг к другу и, проникая одна другую, *не соприкасаются*. Поэтому материи по существу своему *пористы*, так что одна наличествует в *порах* или в *неналичии* других; но эти другие сами пористы; в их порах или в их *неналичии* наличествует также первая и все прочие материи; их *наличие* есть в то же время их *снятость* и *наличие других*; а это наличие других есть равным образом их *снятость* и *наличие первой* и точно так же всех остальных. Поэтому вещь есть противоречивое опосредствование с собой самостоятельного наличия его противоположностью, а именно его отрицанием, иначе говоря, противоречивое опосредствование *одной* самостоятельной материи *наличием* и *неналичием другой*. — Существование достигло в этой вещи своей полноты, будучи в одном и том же и сущим в себе бытием или *самостоятельным* наличием, и *несущественным* существованием; истина существования заключается поэтому в том, что

оно имеет свое в-себе-бытие в несущественности или свое наличие в ином, и притом в абсолютно ином, другими словами, имеет своей основой *свою ничтожность*. Поэтому оно *явление*.

П р и м е ч а н и е  
[Пористость материи]

Одно из самых обычных определений [вещи], даваемых представлением, — это то, что *вещь состоит из многих самостоятельных материй*. С одной стороны, вещь рассматривается так, что она обладает *свойствами, устойчивостью* которых и есть *вещь*. Но с другой — эти разные определения понимаются как материи, устойчивость которых не есть вещь, а наоборот, *вещь состоит из них*; сама вещь — это лишь их внешнее сочетание и количественная граница. И свойства, и материи — это *одни и те же определения содержания*, разница лишь в том, что там они моменты, рефлексированные в свое отрицательное единство как в отличную от них самих основу, в *вещность*, а здесь они самостоятельные разные [материи], каждая из которых рефлексирована в свое единство с собой. Эти материи, далее, определяют себя как самостоятельную устойчивость; но они также находятся вместе в одной вещи. Эта вещь имеет два определения: она, во-первых, *эта* и, во-вторых, *«также»*. «Также» — это то, что во внешнем созерцании выступает как *пространственная протяженность*; а «это», отрицательное единство, есть *точечность* вещи. Материи находятся вместе в точечности, и их «также» или протяженность есть повсюду эта точечность, ибо «также» как *вещность* по существу своему равным образом определено как отрицательное единство. Поэтому, где имеется одна из этих материй, там *в той же самой точке* имеется и другая; неверно, будто вещь имеет в одном месте свой цвет, в другом — свое вещество пахучести, а в третьем — свой теплород и т. д.; дело обстоит так, что в той же точке, в которой вещь тепла, она также имеет цвет, кисла, электризована и т. п. А так как эти вещества находятся не вне друг друга, а в одном и том же «этом», то их принимают за *пористые* таким образом, что одна материя существует в промежутках другой<sup>58</sup>. Но материя, находящаяся в промежутках другой, сама также пориста; поэтому, наоборот, в ее порах существует другая материя, однако не только эта другая, но и

третья, десятая и т. д. Все материи пористы, и в промежутках каждой из них находятся все другие, равно как и сама она вместе с остальными материями находится в этих порах каждой из них. Поэтому они составляют некоторое множество, проникающее друг друга таким образом, что проникающие в свою очередь проникаются другими, стало быть, каждая материя снова проникает свою собственную проникнутость. Каждая материя положена как свое отрицание, и это отрицание есть устойчивость другой, но эта устойчивость точно так же есть отрицание этой другой и устойчивость первой.

Отговоркой, с помощью которой *представление* отвергает *противоречие самостоятельной устойчивости многих материй в «одном»*, иными словами, их *безразличие* друг к другу при их *проникании*, служит, как известно, *малая величина* частиц и пор. Где появляется различие-в-себе, противоречие и отрицание отрицания, вообще где требуется *постижение в понятиях*, представление опускается до *внешнего количественного различия*; когда речь идет о возникновении и перехождении, оно прибегает к помощи постепенности, а когда речь идет о бытии — к помощи *малой величины*, так что исчезающее сводится к *незаметному*, а противоречие — к путанице, истинное же отношение превращается в неопределенное представление, смутность которого — спасение для того, что снимает себя.

Если же внимательно присмотреться к этой смутности, то окажется, что она противоречие: с одной стороны, субъективное противоречие представления, с другой — объективное противоречие предмета; само представление полностью содержит элементы этого противоречия. А именно, то, что оно, во-первых, само делает, — это противоречие, состоящее в том, что оно хочет, с одной стороны, придерживаться *восприятия* и иметь перед собой *налично сущие вещи* (Dinge des Daseins), а с другой — приписывает тому, что *недоступно восприятию*, тому, что определено рефлексией, чувственное существование (Dasein); малые частицы и поры, согласно представлению, суть в то же время чувственное существование, и об их положенности говорится как о том же виде *реальности*, который присущ цвету, теплоте и т. д. Если бы, далее, представление рассмотрело более внимательно этот *предметный туман*, [т. е.] поры и малые частицы, то оно познало бы в них не только материю и *также* ее отрицание,

так что выходило бы, что *вот здесь* находится материя, а *рядом* — ее отрицание, *пóра*, а *рядом* с *порой* снова материя и т. д., но познало бы, что в *этой* вещи оно имеет: 1) *самостоятельную* материю, 2) ее *отрицание*, или пористость, и *другую самостоятельную* материю в *одной и той же точке*, — познало бы, что эта пористость и самостоятельная устойчивость материй друг в друге как в «одном» есть взаимное отрицание и проникание проникания. — Новейшие выводы физики, касающиеся распространения водяных паров в атмосферном воздухе и распространения различных газов друг в друге, более решительно выделяют одну сторону понятия, которое выяснилось здесь относительно природы вещи. А именно, они показывают, что, например, тот или иной объем вбирает в себя одинаковое количество водяных паров, все равно, свободен ли этот объем от атмосферного воздуха или наполнен им; что различные газы так распространяются друг в друге, будто каждый для другого — то же, что пустота; что они во всяком случае не находятся между собой ни в каком химическом соединении и каждый, непрерываемый другим, остается *имеющим непрерывность самого себя* и сохраняет себя *безразличным* к ним в *своей проникнутости другими*. — Но еще один момент понятия вещи заключается в том, что в *этой* вещи одна материя находится там, где и другая, и что проникающее есть в одной и той же точке также и проникаемое, другими словами, самостоятельное есть непосредственно самостоятельное чего-то иного. Это противоречиво, но вещь есть не что иное, как само это противоречие; потому оно явление.

Подобно тому как обстоит дело с этими материями, обстоит дело в области духа с представлением о *душевных силах*, или *душевных способностях*. Дух есть в гораздо более глубоком смысле *это*, [т. е.] отрицательное единство, в котором его определения проникают друг друга. Но когда его представляют себе как душу, его часто принимают за *вещь*. Подобно тому как человека вообще считают *состоящим* из души и тела, которые признаются каждое чем-то самостоятельным, существующим само по себе, точно так же признается, что душа состоит из так называемых *душевных сил*, каждая из которых сама по себе обладает самостоятельностью, другими словами, есть непосредственная деятельность, осуществляющаяся сама по

себе сообразно со своей определенностью. Обычно представляют себе так, что вот здесь действует рассудок сам по себе, а там воображение само по себе, что развивают порознь рассудок, память и т. д. и в это время оставляют в стороне бездействующими другие силы, пока дойдет (а может быть, даже и не дойдет) очередь и до них. Перенося способности в материально простую *душу-вещь* (Seelending), признаваемую просто *имматериальной*, их, правда, не представляют себе как отдельные материи, но как *силы* они принимаются столь же *безразличными* друг к другу, как те материи. Однако дух — это не то же противоречие, что вещь, которая растворяется и переходит в явление, он уже в самом себе противоречие, возвратившееся в свое абсолютное единство, а именно в понятие, — противоречие, в котором различия следует мыслить уже не как самостоятельные, а лишь как *отдельные* моменты в субъекте, в простой индивидуальности.